

П. К. Щебальский

Чтение из русской истории

(с исхода XVII века) Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. К. Щебальский**
Чтение из русской истории: (с исхода XVII века) Выпуск 1 / П. К. Щебальский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 146 с.

ISBN 978-5-518-07420-0

ISBN 978-5-518-07420-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ч Т Е Н І Е

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Взгляните на карту Россіи: проведите черту отъ Бѣлаго моря мимо Онежскаго и Ладожскаго озеръ къ Чудскому; оттуда по границѣ нынѣшнихъ Псковской и Витебской губерній на Днѣпръ, у Смоленска; потомъ внизъ по Днѣпру до устья Самары; отъ этой рѣки чрезъ низовья Дона на Терекъ: такова была граница Европейской Россіи 200 лѣтъ тому назадъ. — Что касается до Сибири, то тамъ не было опредѣленныхъ границъ; мѣста были *вольныя*; наши промышленники и звѣроловы доходили до Амура и на его берегахъ строили свои *острожки* (укрѣпленія).

Это было государство огромное, но безобразно растянутое отъ запада къ востоку, вдоль пустынныхъ, печальныхъ сѣверныхъ морей; на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ обитало едва ли болѣе какихъ нибудь пяти—шести мил. жителей, да и то главнѣйше въ нынѣшнихъ центральныхъ губерніяхъ; отъ Курска, Ельца, Тамбова уже начиналась безлѣсная и частію безводная степь, которая неизмѣримо и все меньше

и меньше населенною полосою развѣртывалась между Днѣпромъ и Волгою, сливаясь съ одной стороны съ степями Буджакскихъ татаръ, за Днѣпромъ, съ другой — съ пустынями средней Азіи — кочевьями Киргизовъ, Кайсаковъ, Башкиръ и др. Направляясь изъ Москвы къ сѣверу и сѣверо-востоку; за Костромою и Казанью, опять лежала пустыня, только покрытая непроходимыми лѣсами, гдѣ хозяйничали на просторѣ медвѣди, волки и отчасти соболи; лѣса эти непрерывною чащею простирались къ сѣверу до Ледовитаго моря, а отъ запада къ востоку отъ Корелы до Перми.

Собственно русское народонаселеніе занимало тѣ части этой громадной страны, которыя теперь называются великороссійскими; сверхъ того, въ теперешней Малороссіи, до самаго Чернаго моря, внизъ по Днѣпру, жили Украинскіе и Запорожскіе казаки, наши единоплеменники и единовѣрцы, долго находившіеся подъ владычествомъ Польши, и въ половинѣ XVII вѣка вновь присоединившіеся къ Россіи; другіе казаки, тоже Русскіе по происхожденію, жили по Волгѣ, по Уралу, въ Сибири, — такъ что, еслибъ на картѣ означить особою краскою, — напримѣръ зеленою — Славяно-Русское племя, то оно представило бы огромную неправильную фигуру, которая тонкими ливіями, какъ будто лапками, цѣпляется за Черное, Каспійское и Охотское моря, — моря, къ которымъ Россія впоследствии плотно придвинулась. — Большая часть пространства Россіи, которое затѣмъ осталось бы на картѣ бѣлымъ, было населено Финскими племенами: они занимали весь ея сѣверо-востокъ, отъ Ладожскаго озера

до устья Оки и оттуда по Волгѣ до Камы; эти племена назывались Корелами, Мордвою, Черемисами, Вотьяками, Самоѣдами, и двѣсти лѣтъ тому назадъ были большею частію язычники. Въ Сибири жили разные мелкіе народцы, тоже идолопоклонники, а по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, до Терека и Кубани кочевали Башкиры, Ногайцы и Калмыки, большею частію, магометане.

Сосѣдями нашими, — такими, съ которыми мы наиболѣе имѣли сношеній, — были, во первыхъ, Крымскіе татары, подвластные Турецкому Султану; во вторыхъ, Турки, которыхъ владѣнія подходили къ нашимъ по низовью Днѣпра; потомъ Поляки, съ которыми Россія граничила Днѣпромъ и Западною Двиной, и наконецъ Шведы, господствовавшіе за Чудскимъ озеромъ и Новгородомъ. Со всѣми этими сосѣдями у насъ были безпрестанныя войны и едва ли проходило нѣсколько лѣтъ сряду, чтобъ на которой нибудь нашей границѣ не пылалъ города и не лилась кровь; мы безпрестанно то воевали, то мирились съ ними, а торговыхъ сношеній, дружелюбныхъ взаимныхъ посѣщеній, какъ это теперь дѣлается, не было почти никакихъ. Да не только съ иноземными государствами, — одна область съ другою имѣла мало сношеній, дороги были не безопасны и непроѣзды; промышленность была самая ничтожная, земледѣіемъ занимался каждый на столько лишь, чтобы прокормиться съ семействомъ своимъ; простой народъ жилъ не иначе, какъ въ курныхъ избахъ; города были крыты соломою; не существовало, можетъ быть, бѣдности, — то есть люди не умирали

съ городу и милостыня подавалась щедро, — но удовлетвореніе однихъ матеріальнымъ нуждамъ есть только первая степень гражданскаго развитія: наша же предки, какъ и всѣ народы еще не просвѣщенные, трудиться не любили, учиться не видѣли надобности и по этому болѣе просвѣщенные иностранцы называли не безъ основанія Россію *дикою Московією*.

Многія государства западной Европы были въ это время въ совершенно иномъ положеніи: Голландская и Венеціанская республики покрывали всѣ моря своими кораблями; во Франціи начинался такъ называемый просвѣщенный вѣкъ Людовика XIV-го; эти и нѣкоторые другія западныя государства имѣли хорошія арміи и флоты, университеты, типографіи, литературу, театры, академіи художествъ. — Германія была нѣсколько позади въ отношеніи просвѣщенія; Польша и Венгрія еще болѣе; вообще чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ гуще былъ мракъ невѣжества. — Западная Европа была въ это время тѣмъ же, чѣмъ прежде была Италія, а еще прежде Греція и Египеть, то-есть странною, откуда свѣтъ просвѣщенія разливался окрестъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ, разумѣется, слабѣе; это очень похоже на то, какъ если бы въ огромномъ какомъ нибудь зданіи мы ярко освѣтили одну залу и оставили изъ нея двери открытыми: ближайшія комнаты имѣли бы достаточно свѣта, слѣдующія менѣе, и наконецъ въ какомъ нибудь отдаленномъ углу едва мерцалъ бы какой нибудь скользящій лучъ. Этимъ темнымъ угломъ была въ теченіи долгаго времени Россія; она даже затворила дверь отъ этого свѣта, который представ-

ляли ей опаснымъ и вреднымъ; но наконецъ очередь и до нея дошла; въ XVII вѣкѣ замѣтны проблески какого-то отдаленнаго свѣта; замѣтны начатки чего-то новаго и, еще болѣе, замѣтно недовольство старымъ. Правительство и церковь недовѣрчиво смотрѣли на это движеніе и старались его сдерживать; но вотъ, явился государь, который не только далъ ему ходъ, но и двинулъ его съ необыкновенной силой. Это былъ Петръ I-й.

По этому исторія Петрова времени есть чрезвычайно важная эпоха въ судьбѣ русскаго народа; онъ долго жилъ, чуждаясь другихъ народовъ, встрѣчая и съ ихъ стороны равнодушіе и невниманіе; народы эти между тѣмъ, обращаясь между собою, развивались, крѣплились, богатѣли, просвѣщались. — Россія, напротивъ того, въ своемъ одиночествѣ или въ отношеніяхъ только враждебныхъ съ своими сосѣдями, росла тупо и медленно; и вотъ переворотъ совершается въ ея политикѣ: Петръ вводитъ Россію въ кругъ Европейскихъ государствъ, и судьба Россіи влетаетъ въ узелъ судьбы всего образованнаго міра. — Нерѣдко этому младшему члену Европейской семьи приходилось играть только страдательную и незавидную роль, удивляться чужому, новому, хотя и тамъ не все, конечно, заслуживало похвалы и удивленія; учиться, — и при этомъ переносить выскокѣтріе своихъ учителей, бросать старое свое, — иногда и то, что въ немъ было хорошаго... Потомъ наступило время, когда и Россія стала, переставъ оказывать вліяніе на другіе народы, — правда, болѣе силою оружія, нежели мыслию; но доростемъ

наконецъ и мы до своихъ старшихъ братій и въ просвѣщеніи, и въ благоустройствѣ, — и къ намъ будутъ иностранцы пріѣзжать учиться и перенимать!

А для этого надо намъ учиться и учиться.

РОССІЯ ПРИ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ.

I.

Очеркъ Москвы во второй половинѣ XVII-го вѣка. — Кончина первой супруги Царя Алексѣя, Марьи Ильинишны. — Милославскіе. — Матвѣевъ; его происхождение, искусное его поведение при дворѣ; милость къ нему Царя; его любовь къ умственнымъ занятіямъ. — Наталія Кирилловна Нарышкина. — Первая встрѣча съ нею Царя. — Второй его бракъ. — Рожденіе Петра. — Объявленіе Царевича Феодора. — Разладъ между Царицею и Царевнами. — Кончина Царя. — Характеристика его царствования: сдѣланныя имъ приобрѣнія; всеобщее недобольство; мятежи; естественныя бѣдствія: голода, болѣзни; разномысліе въ церковныхъ дѣлахъ.

Мѣсто дѣйствія нашего разсказа будетъ по большей части въ Москвѣ, а потому не мѣшаетъ познакомиться намъ поближе съ этимъ городомъ, какимъ онъ былъ во второй половинѣ XVII столѣтія.

Много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы, но нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ

крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. Съ XIV вѣка она уже дѣлается средоточіемъ и государственной силы, и православной святости. Съ которой бы стороны не подходилъ или не подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ — завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. *Святая, блокаменная и златошная*, были названія, которые народъ издавна придавалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: *живописная*, потому что въ самомъ дѣлѣ мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, какъ Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины Кремлевскаго холма.

Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнимъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣчки и впадающихъ въ нея Яузы и Неглинной. Изящною постройкою онъ впрочемъ не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ да большой части разбѣянныхъ по городу церквей, — весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы, или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точно отдѣльныя усадьбы, — хоромы какого нибудь знат-

наго боярина или князя, со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ садовъ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ въ послѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то Суцеево, Хомовники и др.

Но (если смотрѣть на Москву съ одной изъ соседнихъ высотъ), посреди этого муравейника домовъ глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченныхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвы-рѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были эти старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ; гдѣ стояли ихъ гробницы; гдѣ совершалъ богослуженіе Патриархъ, — глава Греко-російской Церкви; гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыя русскимъ народомъ. Тамъ же находились колокольня Ивана Великаго, Царь-пушка и большой колоколъ (*), — предметы, которыми наши предки гордились также, какъ древніе Греки своимъ Колоссомъ Родосскимъ или Дельфійскимъ храмомъ.

Таковъ былъ общій видъ Москвы въ половинѣ XVII вѣка. Съ подробностями ея мы познакомимся, когда коснемся въ разсказѣ своемъ той или другой мѣстности, или того или другого зданія, а теперь приступимъ къ этому разсказу.

(*) Нынѣшній большой колоколъ, находящійся возлѣ колокольни Ивана-Великаго, отлитъ позже, при Императрицѣ Аннѣ.

Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ съ высокой башни Ивана Великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи Царицы Марьи Ильинишны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ Царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ вѣдалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады; тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше Царя печалились и родственники покойной Царицы — Милославскіе, а также ихъ друзья и свойственники: Соковнишы, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и славѣ главнѣйше по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ, — честь ли боярскую, воеводство ли доходное, придворную ли должность приближенную, тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу Царицы; тотъ дочери, а она Царю, — и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ и во второй бракъ вступить, а съ новою Царицей приблизилась бы и новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней еще Царицѣ,

стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напр. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, очень умный человекъ. Началъ онъ съ небольшого, былъ небогатымъ дворяниномъ, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть ли не первымъ человекомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при Дворѣ, никто и не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ въ приходѣ Николы въ Столбахъ, ни кому не навязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ или въ Думѣ заговорить съ нимъ какойнибудь важный бояринъ, Долгоруковъ, или Ромадановскій, или Черкасскій, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ — и добился такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его за-просто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался: коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ Царя, какъ бывалъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. И государь самъ безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напимѣръ, изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, — былъ задушевымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ одинъ изъ первыхъ людей въ го-